

Юрий Аржановский

Украинское солнце

Настолько близко, насколько
близок родительский дом.

16+

Юрий Аржановский
Украинское солнце

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Аржановский Ю. Н.

Украинское солнце / Ю. Н. Аржановский — «ЛитРес: Самиздат»,
2015

Данная книга — автобиографический роман, идея которого вынашивалась более десяти лет. В нем описывается жизнь одной украинской семьи, на чью долю выпали тяжелые испытания в постсоветский период. Повествование начинается с 1991 года — момента отсоединения Украины от России. В книге рассказывается о непростых человеческих взаимоотношениях, о любви и преданности, о тяжелой судьбе матерей, которые идут на многие лишения ради своих детей.

© Аржановский Ю. Н., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

1

Ярко светит украинское солнце летом! Медальоном висит на бравой груди неба. Смело и выразительно живет оно, торжествуя на своем небосклоне. Солнечные лучики звонко плетут косы золотых паутин, окутывая томным зноем города, поселки, села, а само солнце, распустив для себя сигнальные нити по кладовым окнам домов, ожидает обогретую южную ночь на безмятежно бирюзовом небе.

Местные жители, давно привыкшие к здешним климатическим условиям, только тем и заняты в течение продолжительного жаркого дня, что всячески избегают полуденного зноя, который выгоняет прохладу из каждого уголка. Поэтому-то большинство людей, от мала до велика, и предпочитает устраивать свои дела рано утром, а днем все сидят или в душных квартирах, открыв двери в прохладные коридоры многоэтажек, или в собственных гаражах с сырым и прохладным погребом. Все ждут, когда спадет жара и наступит спасительный вечер. Только тогда люди спокойно смогут заняться своими обыденными делами. Но бывает и так, что обычно пустые дворы и улочки наполняются детскими и взрослыми голосами задолго до наступления вечера. Редко, когда нужно, и совсем не вовремя, когда этого не ждешь, в летний знойный день небо обрушивает на землю освежающую прохладу дождя с грозой и громом. Дождь длится по обыкновению недолго, и, когда стихают аплодисменты дождя, бойкое солнце становится еще игривее и неумнее: то оно заигрывает с прохожими, отражаясь в лужах солнечным эхом, то без спроса заглядывает в зеркала окон, будто на циферблат часов. Но не только солнце начинает светить по-особенному. В первые минуты после дождя во всем происходят разительные перемены к лучшему, и этот недолгий период так сильно напоминает пред-рассветное время, когда робкий ветерок приносит с собою очищенную хлебными полями и фруктовыми садами свежесть, которой дышит все в округе, когда начинается буйство сочных красок и насыщенных запахов, когда бурлящий поток природной энергии пронесется по всем уголкам, воспевая новую жизнь. И именно эта жизнь каждый раз с первыми лучами солнца пробуждается с такой все преобладающей силой, что ни у искушенных романтиков, ни у стремящихся к познаниям натуралистов никогда не изведется желание рано проснуться и встретить рассвет или выбежать босиком под дождь и увидеть, как все живое в природе спешит жить, спешит занять свое место под солнцем.

Люди, как подсолнухи, всегда смотрят в сторону солнца. И куда бы солнце ни перемещалось, они будут следовать за ним. Тому человеку, который спокоен душой на родной стороне, солнце всегда казалось удаленным от земли на недостижимое расстояние, оно не вызывало к себе и минимум интереса в нескончаемом потоке людских дел и забот. Мало кто вообще знает, в какой стороне восход, а в какой – закат. Но стоило хоть раз человеку за всю жизнь сбиться с проторенной дорожки, как тут же, не щадя зрения, он обращал взор к небу в попытке понять, в какой стороне сейчас то солнце, которое всегда светило над его головой, осознавая, что оно настолько близко, насколько близок родительский дом. В нас всегда возникает жизненно важная необходимость смотреть на солнце, когда мы вдали от дома или, того хуже, в беде. Однако, как бы ни была очевидна эта объединяющая связь между отчим домом и Вечным Светилом, необходимо помнить одно: только материнский очаг сможет принять обратно заблудшего сына и такого добра больше нигде не сыщешь. А солнце хоть и является для нас местом, куда вознесся Бог, ему такая уж выпала участь оставаться безразлично холодным к человеческим жизням и судьбам.

2

При тусклом свете настольной лампы, сидя с прямой спиной за кухонным столом, юноша что-то писал. Стол пошатывался от движений руки, старательно выводившей ровным и краси-

вым почерком слова, предложения послушно ложились с острия шариковой ручки на линии тетрадного листа. На напряженном лице юноши, красивом и немного худощавом, шевелились скулы, и, казалось, он был полностью погружен в монотонный ход мыслей учебника, никого и ничего не замечая вокруг себя. Перелистывая страницы, он иногда замирал, отводил взгляд от учебника и в раздумье смотрел в окно. Поразмыслив, он быстро делал запись в тетрадь, словно боясь упустить важную мысль. А иногда после таких вот раздумий он оживленно начинал перебирать книги, лежавшие на столе, перелистывал страницы, и жадный к знаниям ум юноши гнался за этой самой мыслью по главам учебника еще с большим усердием.

Наступили летние сумерки, и из окна на кухне было видно, как за тонущей в темноте лесной посадкой, задевая линию горизонта, светились огни соседней угольной шахты. Издали затаившейся силой и доблестью трудящихся шахта разговаривала со знающими и соперничающими. Со двора доносились голоса и веселый детский смех. И только здесь, на кухне, в безмолвной тишине двухкомнатной квартиры было едва слышно, как, сопровождаемый звуком липнувшей к руке кухонной клеенки, юноша водит по бумаге авторучкой. Рядом с ним сидел его младший брат, внимательно вслушивавшийся в характерные звуки. Подперев рукою подбородок, он смотрел, как тот усердно пишет. Ему нравилось то, с какой быстротой можно было так выводить буквы. Немного погодя и он увлекся затеей. Неосторожно вырвав листок из тетради, он принялся рисовать, заполняя чистый лист кривыми линиями, выходящими из-под неумелой детской руки. Ему ужасно хотелось, чтобы брат нарисовал что-нибудь этакое, но тот был занят и к тому же не в духе. Старший брат редко соглашался рисовать, не желая напоминать себе о былом увлечении живописью.

Младшему совсем скоро предстояло идти в начальную школу, тогда как уже завтрашний день в жизни старшего брата должен был ознаменоваться его выпускным школьным вечером.

Стол внезапно пошатнулся, и пучок редкого света запрыгал по нему и остановился.

–Влад, не страдай ерундой! Ты когда последний раз убирал в квартире? – строго начал старший.

–Недавно... – от неожиданности замялся Влад. – Глеб... Глеб, можно я еще немножко погуляю на улице? А завтра я буду весь день убирать в квартире!.. – вопрошающе и без единого намека на пререкание спросил Влад.

– Точно сделаешь уборку в квартире?!

– Точно-точно!

– Ладно иди... Но смотри – я проверю!.. – смягчился старший. Влад тут же вскочил со стула и побежал на улицу, где всюду разгулялся южный вечер.

Глеб, оставшись один в немой тишине квартиры, продолжал готовиться к предстоящим вступительным экзаменам.

3

Новый день в семье Вернадских начался по обыкновению непримечательно – без суеты и лишних хлопот, как будто все нарочно забыли о выпускном вечере старшего сына Глеба. Еще ранним утром все разбрелись в разных направлениях: Глеб ушел с отцом помогать ему в гараже, мать почти следом за ними ушла в огород. Клубок ежедневных насущных дел все распутывали всегда слаженно и сообща, и только один Влад, не обремененный ничем, сегодня уже с самого утра резвился с другом во дворе, нарушив вчерашнее обещание брату убраться в квартире. Там же, во дворе, уже ближе к вечеру Влад встретил отца на улице, а точнее, отец его сам кое-как отыскал.

–Ты пойдешь к Глебу на праздник? – заботливо спросил он у младшего сына.

–Я пойду домой, – отказался Влад.

–На вот тогда, возьми ключи от квартиры. И никому дверь не открывай! У нас ключи есть, мы сами откроем! – отец никогда не утруждал себя давать наказания, но сегодня он был необычно внимателен.

–Пап, а можно к нам придет Миша?

–Можно!

Глеб с матерью были уже в оживленной празднованием школе. Туда направился, опаздывая, и отец. Почти следом за ним явился Влад. А дело было вот как: находясь дома, они с другом услышали, как со стороны балкона, минуя спальню, к ним в зал внезапно ворвался дикий крик, прорезав оболочку их мирных детских звуков. Таким нехитрым способом парень с верхнего этажа, услышав громкий детский смех, решил подшутить над малышкой. В испуге дети выбежали из квартиры и ринулись к родителям. Как все-таки забавен и наивен детский страх, но только он может переходить в игру, и тогда ребенок, пребывая в реальности, может продолжать играть роль испугавшегося, не рискуя остаться в дураках. Спускаясь вниз вдоль частных домов по асфальтовой дороге, которая в конце спуска плавно переходила в извилистую грунтовую узкую тропинку, минуя большие ворота детского садика с резными колоннами в виде сказочных зверей, два друга, Влад и Миша, добежали до перекрестка, на котором можно было свернуть налево к начальной школе, но они, не раздумывая, двинулись направо к средней школе, в которой учился Глеб. Ребятишки все бежали и бежали. Вот уже близка школа, виден ее свежесбеленный фасад, вот тянется железный забор, обрываясь на небольшом центральном входе, и продолжается тянуться вдоль школьных стен немного дальше. Вбежав в школьный двор, они стали искать вход в банкетный зал.

Банкетное мероприятие проходило в просторном спортивном зале школы, расположенном сзади пришкольного участка, так что в зал можно было попасть как через школу, так и с улицы. Как Влад с Мишей догадались, что нужно было идти именно туда? Наверное, в саму школу они зайти не решились, поэтому стали обходить ее со всех сторон в надежде услышать взрослые голоса. Ориентируясь по все усиливавшемуся звуку музыки, друзья наконец нашли открытую настежь дверь аварийного входа в спортзал. В помещении было душно, массивные окна спортзала были тоже растворены, но этого явно не хватало, чтобы справиться с летней духотой и большим количеством людей. Миша оставался ждать у входа, когда Влад зашел внутрь. Просторный спортзал, освобожденный от инвентаря, вмещал в себя всех выпускников, их родителей и педагогов. Отыскивая взглядом родной силуэт, никем не замеченный гость в миг обратил на себя внимание, как потерянный зверек, жалобно звавший свою мать.

–Мам!.. Мама! – кричал Влад. Общий шум оживления еще более взволновал его.

–Сынок! Что случилось? – потерянная мать почти сразу же нашлась, отозвавшись на плач родного ребенка. Она, встревоженная внезапным появлением сына, инстинктивно стала его осматривать, и, как это часто делают львицы, облизывающие своих беззащитных котят в момент, когда те, переживая тревогу за их спиною, начинают просить уже ненужного утешения, стала так же ласково утирать его распухшие от слез глаза. Она присела, чтобы поравняться с сыном ростом, готовая его выслушивать, и тут, не выдержав натиска нахлынувших слез, почувствовал материнскую ласку, Влад расплакался.

–Когда мы были дома... Там, где балкон, кто-то плакал... ой, кричал, и... – всхлипывал Влад, но уже больше не теребил так сильно в руках мамин платок, а с интересом водил блестящими глазами по сторонам.

–Ну-ну, успокойся... Ты не забыл закрыть дверь квартиры? – мать заглянула в лицо своего дитяти, потом пристально окинула его взглядом. Забрав из рук Влада мятый платок, мать слегка привстала, приводя в порядок растрепанную футболочку сына, выправила ляпочки на его комбинезоне, затем выпрямилась, чтобы найти взглядом мужа.

Глаза Влада горели любопытством к происходящему, и уже не оставалось внимания, чтобы отвечать на задаваемые матерью вопросы. Но она все-таки дождалась на свой вопрос

утвердительно кивка головой и подвела сына к столу. Влад очутился среди взрослых, более того, он был рад этому, а о друге своем, Мише, он до конца вечера так и не вспомнил.

Банкет начался в пять часов и, надо сказать, очень живо. Когда все расселись, после вступительных речей директора, завуча и преподавателей, первыми выпускники подняли тост за родителей. Те в свою очередь, поддавшись разгоравшемуся веселью, не преминули сразу же как бы в подтверждение всего сказанного детьми в свой адрес выпить за преподавателей и еще раз за себя. Много пить несовершеннолетним выпускникам было непозволительно, поэтому родители выпили без детей, но за них, еще раз за себя и за детей, и еще раз за учителей, и еще раз, и еще раз. Для каждой семьи в отдельности предназначался столик. Поначалу все было так, как и положено, точнее сказать, как и поставлено. Столы стояли в строгом порядке, однако после того, как родители изрядно выпили, им стало одиноко по отдельности выслушивать педагогов с речами о таком значимом событии в жизни детей, как окончание школы, об их достижениях, да еще и на затуманенную алкоголем голову пытаться разобраться, на чей счет приписывать заслуги этих самых достижений родных чад (надо отдать должное родительскому терпению), то большинство из них, уставшие физически, но сильные эмоционально, стали объединяться столиками. Задрезжали ловко сдвигаемые столы и стулья. И тут стало ясно, что они, встретившись жаждущими к общению взглядами, были незнакомы и неблизки друг другу настолько, чтобы вот так смело подсаживаться и тем более рассчитывать на обоюдную душевную беседу. Однако не было и минуты неуместного молчания, была только взаимная радость, и уже через миг все вместе били бокалы на счастье. Родители поднимали рюмки одну за другой каждый раз с новым тостом, в одночасье придумывая повод для следующего. Открыто хвалили себя, учителей, гордились своими детьми, выделяя их из общей массы. Задобренные учителя, подсаживались за столики. Не прибегая к заученным фразам, они были на высоте, используя в разговоре простые человеческие слова, взятые из учебника жизни.

А веселье тем временем разгоралось все сильнее: в центре зала многие, осмелевшие от хмеля, уже давно танцевали, причем кто как мог и кто как хотел, чем не преминул воспользоваться фотограф. Он с легкостью делал удачные снимки, подлавливая в необычных позах участников торжества, коих невозможно было упрекнуть в отсутствии артистизма.

Когда Влад с матерью подошли к столу, за ним сидел только отец. О детской шалости Влада ему ничего не сказали, да и отец не додумался спросить, как тот оказался здесь. Влад уже и сам забыл о случившемся, только вот у матери все еще болело чуткое сердце.

– Миша, а куда пропал Глеб?

– Не знаю! По-моему, он ушел куда-то с Антоном! – заплетающимся языком ответил отец.

Глеба искать пришлось недолго: через пять минут он вернулся к столу, будучи навеселе. Он не отводил в сторону хмельных глаз, эта смелость и выдала его, выдала трепет его души, подвластный желанию быть всеми любимым, которое обычно только разжигается спиртным. Но было и еще что-то другое, какая-то тоска и смятение. Да и несложно понять юношескую тревогу от происшедших перемен. И мать это поняла. Она почти сразу увидела в его глазах светлую грусть, и нежно погладила его по голове, на что сын благодарно ответил поцелуем.

Глеб выглядел модно. На нем была рубашка бежевого цвета с коротким рукавом и синие джинсы с кроссовками (за такими импортными вещами, ставшими одной из главных ценностей времен перестройки, люди подолгу гонялись, не зная, на что потратить полученную зарплату, дожидались своей очереди в комиссионках или выменивали у перекупщиков за шиповник, который был дороже золота и всех известных на тот момент валют).

– Сын, дай я тебя поцелую! – первым отозвался отец, кашлянул, ударив себя кулаком в грудь, будто внутри себя отворил шкатулку с пожеланиями. – Сядь возле меня, сынок, – и тут отец стал наставлять сына, вступившего во взрослую жизнь. – Будь умным! Не совершай глупостей в своей жизни. В нашем роду все умные и способные, – здесь жена недовольно вздохнула, всегда ревностно относившаяся к предвзятому суждению супруга о ее девичьих корнях,

и уж совсем отвернулась, когда тот стал хвалить свой род. – Сильным будь, чтобы каждому сдачи мог дать... – тут отец хотел было еще что-то добавить, но Глеб его нетерпеливо перебил.

– Пап, потом! Пойдемте быстрее фотографироваться, сейчас будут делать общий снимок. Нас только ждут! Нужно как можно больше сделать фотографий.

Явно расчувствовавшийся отец тяжело встал, ища опоры. Жена, как ни старалась, не смогла проконтролировать, чтобы тот не выпил лишнего.

Навряд ли когда-нибудь еще раз вот так Глебу придется встретиться со своими одноклассниками. Жизнь разбрасает каждого – кого куда. Фамилии и имена некогда знакомых людей сотрутся из памяти. Школьная дружба, может быть, когда-то кем-то и вспомнится, но, скорее всего, так и уйдет вместе с детством, не сумев стать дружбой по жизни. Человек так устроен, что он всегда находится в поиске чего-то нового, ему это просто необходимо, вот так и новые друзья найдутся, ну хотя бы приятели. А что делать с бывшими детскими обидами? Их лучше забыть, в самом деле не копить же их в себе, ведь не хватит сил стерпеть будущие. А как забыть некогда казавшиеся нам злыми лица, ожесточенные в пылу мальчишеского соперничества? Как быть с обидными суждениями взрослых о нас, нечаянно подслушанные, когда мы были детьми? Как это забыть? Все это в сущности своей невинность и простая глупость каждого, и потому простим же друг друга, простим тех, кого помним, а они пусть простят нас, и позволим добрым воспоминаниям оставаться с нами и дальше, пусть радуют они нас, когда нам захочется вспомнить то хорошее, что было у нас на протяжении долгой и непростой человеческой жизни.

4

Отгуляли! Глеб ложился в кровать. Поздняя ночь заставляла это делать тихо, беззвучно, точно крадучись. В приготовленной постели давно спал Влад, Глеб посмотрел на него ласково, ревнуя, что сейчас его попечителем был не он сам, а сон. Теперь и ему лишь оставалось почти так же по-детски, умиротворенно, заснуть. Но ночь загнала все его мысли в угол, где таилась бессонница. Отчетливо, как отражение в зеркале, в его сознании вставали мысли, но были они какими-то неполными и оборванными на чем-то самом важном и оттого непостижимыми, равно как и зеркальное отражение. Как только вспоминалось одно, забывалось другое. И так было нескончаемое число раз. Невнятная тревога одолевала, она не жалела средств, чтобы напоминать о себе каждую секунду. Глеб лежал неподвижно, слушая, как сердце звонко билось в его широкой груди, с легкостью гоняя кровь по телу. Минутами ему казалось, будто в его груди не сердце, а кусок резины, который все сильнее растягивался, отдаваясь ударами в пересохшем горле. Но вскоре сердцебиение замедлилось, ушла и тревога. Глеб все так же беспомощно лежал на кровати, ни разу не пошевелившись, боясь забрать последние силы у ослабевающего сердца, пока сон не застал его врасплох.

– Ох, и гарно же мы вчера погуляли! – сказал Глеб матери, заходя на кухню.

– Ой, и не говори, сынок! Погуляли на славу! А ты почему так рано встал? Выспался?

– Ага...

В открытую форточку дышало раннее утро. Глеб, обессиленный коротким сном, сел на стул, прислонившись спиной к холодильнику. Невольно он окинул взглядом кухню: проникающий сквозь окно свет делал ее еще светлее и просторнее. Потом Глеб посмотрел в окно – солнце находилось сбоку. Представив прохладную свежесть лесной посадки, находившейся недалеко от пятиэтажек, он содрогнулся. Несколько затянувшаяся пауза в разговоре прервалась.

– Все же хорошо вчера все было организовано, – хрипловатым голосом, почувствовав легкость переменившегося настроения, сознался Глеб.

– Вчера и стол был хороший, и музыка. Все были нарядные – не каждый день такое торжество случается! Из всех ребят твоего класса ты был самый красивый! – щебетала мать, стоя у кухонной плиты.

–Подумать только, вот я уже и школу закончил. А до сих пор кажется, что еще недавно я был таким, как Влад: в душе себя ощущаешь таким, каким помнишь с детства.

–А мне, матери, каково? Будто вчера я тебя маленького в колясочке возила. Глянешь на тебя и не поверишь – как быстро вырос! – расчувствовавшаяся мать присела.

–Внутри ощущается какая-то пустота...

–Главное для меня сейчас – нужно сделать тебе военный билет, чтобы в армию не загудел. А уж на втором месте институт! Ну не поступишь в этом году, поступишь в следующем! – мать о чем-то задумалась, задумался и Глеб. – Ладно! Все будет хорошо, когда я чего-то хочу, все бывает по-моему! – оптимистично заключила она и встала со стула.

–Ты куда? – спросил Глеб.

–Хочу пойти помидоры подвязать! – живо ответила мать, причесываясь у зеркала в прихожей. Обувшись, она открыла входную дверь, но остановилась у порога в раздумье. – Тебя мы с отцом на ноги почти поставили, теперь Влада нужно поднимать, – тяжело вздохнула и добавила: – ничего, выкарабкаемся!

5

Когда Анастасия Павловна вышла на улицу, направляясь к гаражам, было уже довольно знойно, хотя утро еще и не успело разгуляться. Работу машиниста на шахте ей приходилось совмещать с заботами по дому и хозяйству. Каждый шаг ее был спланирован в длинную цепочку дел и обязанностей. За немалое количество лет, проведенных в постоянных заботах, она многое делала по привычке. Вот и сейчас она свернула на более короткую дорогу и через десять минут была уже у гаражей.

Плотными рядами они располагались недалеко от пятиэтажек, образуя целый комплекс, который с годами только разрастался. Жизнь здесь никогда не замирала, и даже глубокой ночью слышны были мужские голоса, разгоряченные в пылу дружеского спора. Каждый отдельно взятый гараж мог многое рассказать о своем владельце. У строгого зажиточного хозяина на массивных воротах с крупными петлями непременно должен был висеть добротный амбарный замок, образно ограничивая круг желанных гостей, что нельзя было сказать о гараже беспечного хозяина, заброшенный внешний вид которого оставлял желать лучшего. Но были и такие владельцы, которые к вопросу благоустройства гаражей подходили творчески. Вот к таким людям и относился Михаил Евгеньевич Вернадский. Каждая мелочь у него была проработана до тонкостей: в гаражные ворота были врезаны аккуратные замки без ущерба для безопасности, внутри гараж был обшит деревом и утеплен, проведено независимое отопление, установлены верстак с тисками и множество полок и шкафов для хранения инструментов и радиодеталей. Кстати, многие детали он собирал с расчетом на то, что сыновья продолжат его увлечение радиоэлектроникой, которое было очень популярным в советское время. Однако молодежь это не привлекало. Глеб еще поначалу как-то интересовался схемами и платами, но со временем забросил. Так оно и осталось никем не востребовано и вскоре копившееся годами очень быстро морально устарело. Масса разнообразных измерительных приборов, паяльников с огромным количеством олова и канифоли размещалась на полках и стеллажах, хозяину доставляло удовольствие проводить время в поисках нужных инструментов, у каждого из которых был свой характер. Все было сделано собственными руками и сделано для удобства как в работе, так и для проведения свободного времени. Недаром говорили, что у Михаила Евгеньевича золотые руки.

Когда Анастасия Павловна подошла к гаражу, она увидела, что ворота были открыты. Миновав эстакаду, она поздоровалась с кем-то из знакомых, проходивших мимо. Заскрежетал камешек под ее подошвами на бетонном настиле, и она шагнула на порог гаража.

– Миша, ты кур кормил? – спросила с порога мужа, занятого чем-то своим у верстака.

– Нет еще, – ответил Михаил, сметая щеткой металлические стружки в совок. – Я вот только поставил варить, а до них самих еще не дошел, – проговорил он, указав взглядом на кипящую кастрюлю на маленькой электрической печке, из которой вместе с паром шел запах варившегося комбикорма.

– Я покормлю, – заторопилась Анастасия Павловна.

Курытник был пристроен с задней стороны гаража. Открыв высокую калитку ограждения, она прошла к дверям по выложенной плитами дорожке. Выяснилось и то, что со вчерашнего вечера некормленных кур еще никто не выпускал из душного помещения. Анастасия Павловна вернулась к мужу за ключами. Михаил Евгеньевич очень смутился оттого, что забыл выпустить бедных кур, он даже ничего не смог сказать в свое оправдание, кроме того, что его заговорил приятель.

Услышав знакомый звук открывающегося замка, куры засуетились и стали тесниться ближе к выходу, ожесточенно клюя друг друга. Как только голодные куры выбежали, то тотчас же, сбивая друг друга с ног, устремились к кормушкам, но, убедившись, что они пусты, самые проворные из них ринулись обратно в курятник догонять хозяйку, которая уже выходила оттуда с полным черпаком зерна, тогда как остальные от безысходности стали разочарованно пить остатки грязной воды в поилках. Важный петух вышел последним, сторонясь подгонявшей его хозяйки и снисходительно посматривая на кур. Анастасия Павловна шла медленно, аккуратно раздвигая ногой плотно обступавших ее кур. Чтобы их отвлечь от себя, она бросила в сторону горсть зерна. Нагибаясь к кормушкам, на грязной металлической поверхности которых еще отчетливо виднелись следы от многочисленных клювов, ей пришлось отмахиваться от нахальных птиц, пытавшихся на лету выбить из рук черпак с зерном: «А ну, кыш, кыш, сдурели совсем!» Вдоволь насыпав зерна, она отошла в сторонку наблюдать за тем, как голодные куры все не унимались. Они бегали от одной кормушки к другой, прогоняя друг друга. Пока одни заглатывали зерно из кормушек, другие склевывали его с земли, а третьи, жадно набив себе им глотку, ждали, когда корм пройдет в зоб. Вдруг степенный петух, отыскав что-то на земле, стал нетерпеливо подзывать к себе кур. Однако те, к кому этот призыв относился, оставили его без внимания. Дробное постукивание клювов по дну кормушек звучало в такт озабоченному кудахтанью и шуму от взмахов крыльев. Потом Анастасия Павловна проворно подхватила наполненное чистой водой ведро, равномерно распределяя, разлила ее по поилкам, и, минуя путавшихся в ногах кур и приговаривая «Цыпа, цыпа», вновь вошла в курятник. Едкий запах ударил еще с порога. Осмотрев курятник, хозяйка решила, что здесь следовало бы почистить пол. Но первым делом она проверила гнезда. Мотившаяся птица затревожилась, недовольно закудахтав на неожиданного визитера, проверяющего гнезда.

– Настя! – вдруг раздался голос мужа.

– Да, Миша? – ответила она, выходя с наполненными ладонями, в которых было до десятка куриных яиц.

– Сегодня ночью на водокачке должен быть сильный напор, надо бы картошку полить и вагонетку набрать, – Михаил стоял за ограждением, упираясь руками в высокую сетку забора.

– Хорошо, я сейчас схожу и узнаю, кто сегодня дежурит, только курей докормлю. Посмотри, по-моему, им пора крылья обрезать, а то все норовят через забор перелететь.

– Да, пора уже! Мы сегодня их будем выпускать пастись? Я думаю, что надо! Потом, под вечер, можно будет крылья обрезать, – предложил Михаил и ушел.

Анастасия Павловна долила воды, чтобы ее хватило тяжело переносившей зной птице. Затем стала убирать пустые кормушки. Голодный петух что-то еще доклевывал по углам: он

не успел наестся. А объевшимся курам уже ни до чего не было дела: одни лениво лежали под небольшим навесом в тени, избегая прямых солнечных лучей, другие чистили перья, а третьи купались в земле и песке с мелким камешком. Закончив кормить пернатую живность, Анастасия Павловна вышла из ограждения. Поздоровавшись со знакомой, которая повела десяток крупных гусей на выпас, она спустилась с маленького пригорка. По пути к водокачке Анастасия Павловна зашла на свой земельный участок убедиться, что в вагонетке действительно не было воды.

–Ну что? – Михаил Евгеньевич испугал жену громким шумом от брошенного на землю большого мотка шланга.

–Я заняла уже очередь! Придется всю ночь возиться, – бегло окинула взглядом огород и добавила: – земля очень сухая!

–Ладно, иди домой. Я пока сам управлюсь. Может, попозже приду на обед.

В семье Вернадских у каждого члена семьи были свои обязанности, за которые он отвечал, но в то же время каждый старался помогать друг другу. Там, где требовались молодые силы, многое делали сыновья. Чаще всего они ходили в лес за травой, чистили курятник и пасли гусей. Михаил Евгеньевич же был идейным вдохновителем и исполнителем в вопросе обустройства гаража и различных пристроек. Также он слыл увлеченным садоводом. Он каждый год занимался расширением огорода, привозил землю, планировал любое строительство, подбирая для этого нужный материал. Жена никогда не вмешивалась в его мужские дела, а он никогда не лез на ее кухню. Но они были семьей, и общие дела сводили их вместе: часто они вдвоем ухаживали за саженцами помидоров по весне, занимались огородом. В редких случаях, когда в большом количестве хирела пернатая живность, им приходилось срочно ее забивать, а потом часами общипывать. И только Анастасия Павловна решала, какие перья нужно оставить для подушек, она же распределяла мясо, которое шло либо для хранения в морозилке, либо для приготовления еды. Кстати, Михаил Евгеньевич занимался еще и изготовлением тушенки, этот процесс он очень любил и никому не доверял.

6

В начале августа, окончательно распрощавшись со школой, Глеб при поддержке родителей собрался покорять институт. В Красном Луче вузов не было, поэтому выбрали институт в другом городе. Однако Глебу не удалось набрать нужный проходной балл, и он не поступил. Наряду с этим обидным обстоятельством было еще одно: родители, понадеявшись на то, что сын непременно пройдет конкурс, поспешили внести плату за первые полгода обучения. Ректор коммерческого института, заверявший в целесообразности раннего взноса за обучение, деньги не вернул, уверив, что они ушли на погашение задолженностей по зарплатам преподавателям.

–Ну что за глупость! – досадовал Глеб. – Зачем нужно было платить, если ничего еще не было известно, поступлю я или нет? Получилось, как всегда!

–Прекращай нас с матерью упрекать! Мы хотели, как лучше! А ну замолчи! «Получилось, как всегда!». Кто знал, что так получится? Ничего, поступишь на следующий год. Время у тебя в этом году зря не пройдет: поедешь со мной на заработки, потрудишься – будут тебе деньги на обучение, – возбужденно говорил отец.

Больше разговора на тему «сгоревших» денег не поднимали. Глеб потом пытался поступить в милицейскую академию, но и там он провалился.

Жизнь тем временем текла в привычном русле. Анастасия Павловна продолжала работать на шахте, опуская на сотни метров шахтеров. Труд в угольной отрасли всегда был тяжелым. Михаил Евгеньевич в отличие от жены в списках доблестных шахтеров в то время не числился, но отметки о том, что он все же когда-то работал на шахте, были в его трудовой

книжке. После распределения из института молодой специалист Михаил сразу попал на шахту. Но уже через полгода молодой организм стал страдать от частых недугов: болела спина, мучили простуды. И как-то в очередной раз, выйдя с больничного, Михаил решил уволиться. Рассчитавшись, он собрал свою бригаду из людей, способных прокладывать трубы для отопления и газа, проводить электричество, делать ремонт в домах – в общем, выполнять любые строительные работы. В то время он был одним из первых, кто ездил со своей бригадой под Ростов в колхозы, которые всегда нуждались в специалистах. И дела шли неплохо, всегда была работа и был заработок. За долгое время работы Михаил успел сменить не один объект и собрать не одну бригаду. С годами он стал пользоваться хорошей репутацией – прослыл профессионалом, но также и укрепилось мнение о его несносном характере и требовательном подходе к работе, чем нажил себе недоброжелателей из числа бывших коллег.

Сейчас Михаил был в отпуске. Но и в это время он не сидел без дела. Разработав проект, он решил заняться строительством новой пристройки к гаражу. В помощники к себе он взял старшего сына, и вскоре они вместе начали возводить фундамент. По ходу строительства отец обучал ремеслу Глеба, проверяя его способности и характер. Глеб и сам полностью увлекся процессом. Вначале он думал устроиться в цех на шахту, но все чаще ловил себя на мысли, что хочет поехать с бригадой отца на шашку, да и заработать можно было там побольше.

7

Лето пролетело незаметно, и вот уже наступили последние деньки августа. На пороге ожидал новый трудовой сезон. С завершением летних отпусков начались приготовления к школе. На местном базаре в центре города образовалась ужасная толчея. Было интересно наблюдать за импровизацией каждого участника базарной массовки! Родители присматривали своему ребенку школьную одежду, ранцы, ручки, краски, карандаши. Повсюду раздавался детский плач, следовавших за родителями чад. И как, в самом деле, можно было избежать слез, когда глаза детей загорались блеском от сказочного вида красиво разложенных карандашей, ручек, иллюстрированных альбомов, тетрадок, разноцветных дневников и учебников, а родители все не сдавались.

Тем временем Квартал Шахтерский уже начал проводить мероприятия по организации самого значимого и ожидаемого праздника конца лета – Дня шахтера, который всегда проходит в последнее воскресенье августа. Приготовления проходили в стараниях всего поселка, всех властей и местных жителей. Каждый считал своим долгом навести порядок во дворе своего дома. Женщины с детьми собирались вместе на субботник, белили бордюры, стволы деревьев, убирали мусор. Повсюду царил радостное оживление. На фонарных столбах, на обновленных фасадах зданий развешивались украинские флаги, плакаты с поздравительными надписями и пожеланиями. Люди торжествовали, улыбались себе и другим, дышали радостью предстоящего праздника. Вот в такой суете незаметно миновали дни приготовлений и настал канун праздника. Этот день запомнился затишьем и спокойствием: люди будто призадумались, проведя жирную черту под прошедшим трудовым периодом. И действительно, этот год был полон удач и неудач, забот и тягостей, радости и горя.

–Какое огромное звездное небо! Даже немного страшно! Но как красиво! Правда, Глеб? Вон, вон, видел, еще одна сгорела! Куда она, интересно, упала? Загадал себе желание? – говорил впечатлительный Влад.

–Да-да-да... – протянул Глеб, – я уже желаний десять загадал!

Братья любовались августовским звездопадом с пришкольной спортивной площадки, куда пришли упражняться на турниках.

– Сейчас я последний подход сделаю, и тогда пойдем домой! – Глеб подошел к брусьям, сосредоточился.

– А завтра День шахтера!

– Ну его! Как всегда пойдет дождь и всю малину испортит! – Глеб присел к брату на скамейку, переводя дыхание.

– Быстрее бы в школу!

– Скоро! Она тебе еще успеет надоесть!

Они некоторое время, молча, задрав головы кверху, любовались небосводом. Им казалось, что по недостигаемому небесному полю из прекрасного цветка, согретого августом, выпала золотистая пыльца звезд. Смотришь на падающие звезды, а переживаешь только за себя. Глеб и Влад – братья, но каждый думает о своем. В тишине раздались чьи-то удалявшиеся шаги. Вскоре и братья побрели домой по слабо освещенной улице.

8

– Влад!

– Что, мам?

– Влад, иди сюда скорей! – все звала мать.

На входе в спальню, где сейчас была Анастасия Павловна, висели шторы, поэтому ни напрямую из зала, ни из кухни нельзя было понять, что ожидало там Влада, но он очень хотел это знать и забеспокоился, потому что голос матери звучал как-то по-особенному.

«То ли будут ругать, то ли еще что!» – подумал Влад, чем же он мог провиниться. Пока он шел сердце билось все сильнее и сильнее и, казалось, сейчас вырвется из груди. Осторожно подойдя, он раздвинул руками шторы и вошел в спальню. Комната была обставлена создающей неповторимое ощущение уюта дорогой лакированной черного цвета итальянской мебелью. Большую часть пространства занимала двухместная кровать с высоким, придвинутым к стене изголовьем, обшитым золотистой тканью в тон покрывала с бахромой, которым застилалось ложе. По бокам от кровати стояли небольшие тумбочки, как часовые, караулившие покой и сон хозяев. В них всегда лежала какая-нибудь мелочь или книги. Михаил часто клал в свою тумбочку любимое лекарство «Звездочку», им он натирал перед сном ноющие суставы или заложенный нос. И только у одной из двух тумбочек, той, что со стороны Михаила, стоял торшер. Справа от входа располагался красивый трельяж с большим складным зеркалом и пуфик. А у дальней стены стоял огромный шифоньер. Между ним и кроватью оставался небольшой проход до балкона, так что дверцы шкафа открывались не до конца. Стены украшали красивые ковры.

В комнате Влад увидел мать, при свете абажура перебиравшую в шифоньере какие-то вещи. Не было еще и полудня, а казалось, что уже вечер – от затянувшегося небо дождя.

– А ну, примерь! – доставая из шифоньера одежду, попросила мать.

Влад взял протянутые ему плечики и аккуратно, складывая на кровать, снял с них выглаженные брюки и пиджак. Потом присел и стал одеваться, прислушиваясь, как шуршала ткань.

– Вот, возьми еще рубашку! – мать окинула взглядом сына.

Влад подошел к трельяжу, чтобы оценить свой новый будущий образ первоклассника: темно-синий школьный костюм был ему впору, а белая рубашка с большим воротником и золотистыми пуговками опрятно выглядывала из-под застегнутого на три пуговицы пиджака с логотипом пионерского движения на рукаве.

– Хорошо смотрится! Я эти вещи очень аккуратно носил, вот теперь и ты будешь носить! – довольно улыбался Глеб, только что пришедший с улицы.

– Да, ты очень аккуратно носил, я всегда этому удивлялась! – подтвердила мать.

Показ одежды затянулся на час. Мать все продолжала доставать из шифоньера Владу то какие-то рубашки, то брюки, пока не устала и вместе с Владом изнеможенно не рухнула на кровать.

–Глеб, а достань ему из кладовки туфли! Все возьми, какие есть! – мать вспомнила про недостающий главный элемент внешнего вида.

Старший сын послушно направился в прихожую, где была кладовка. Но, тут же, опомнившись, пошел обратно в кухню за табуреткой. На обратном пути он нечаянно задел плечом хрупкую дверцу кладовой, так что та сначала с силой ударилась о косяк, а потом снова раскрылась до предела и ударила Глеба. Он потерял ушибленное плечо и, став на табуретку, полез на самую верхнюю полку.

–Мам, а какие они? – перебирал обувные коробки Глеб. – А! Те?! Понял! Вот они, нашел! Влад, возьми туфли, я пока сложу коробки. И принеси мне еще одну табуретку!

Радостный Влад уже через миг подавал принесенную брату вторую табуретку, обменяв ее на вожделенную коробку с туфлями. Ожидания Влада оправдались. Открыв крышку коробки, он увидел там новенькие туфли, фирменные, польского производства. В начале девяностых почти все приобреталось впрок, вот и сейчас три года назад купленные туфли нашли своего хозяина. Владу они были велики, но он не расстроился, ведь детский организм растет не по дням, а по часам, и скоро они ему будут впору.

Тем временем Глеб продолжал свои изыскания плохо изученных уголков кладовки. Поставив одну табуретку поверх другой, он с риском рухнуть вниз с шаткого основания вскарабкался на них, как циркач, держась руками за дверцы. Кряхтя и психуя, он все что-то переставлял и передвигал – время в кладовых устраивает барахолку.

Наконец Глеб спустился, переводя от волнения дух: он был несколько взвинчен, будто вырвался из базарной толчеи.

–Сейчас я к нему еще ремешок найду, – рассматривая найденный школьный портфель, выдохнул Глеб. – Брат тебе не только одежду в наследство оставил, но и смотри, какой портфель классный! А сколько карандашей и тетрадок?! До конца школы хватит! Лишь бы хорошо учился!

9

В это время за окном все чаще мелькали компании мимо проходивших людей: они направлялись к стадиону, где должно состояться главное вечернее действо сегодняшнего праздника – Дня шахтера.

Пообедав, Глеб и Влад с матерью разбрелись по разным комнатам отдыхать.

–Скоро мы уже пойдем? – обиженно произнес Влад в тишине комнаты, сидя на подоконнике. Он уже битый час жадно следил из окна за происходящим оживлением на улице и с любопытством рассматривал красиво одетых людей.

–Собирайся! – неожиданно донесся из прихожей обнадеживающий голос брата.

–Я уже готов! – выкрикнул Влад. – Только надо взять зонтик, а то там дождь накрапывает.

– Так возьми!

Выйдя из подъезда и раскрыв один зонтик на двоих, братья быстро зашагали по лабиринтам дворов, переступая лужи. А по центральной дороге, куда они сейчас спешили, шла разномастная толпа, змеей сползая вниз с бугра к футбольному полю. Мирнолюбиво настроенные люди стекались со всех улочек и закоулков, чтобы влиться в эту живую бурлящую реку, в которой можно было легко передвигаться, без толкотни и ругани, и так же с легкостью из нее можно было выйти. Казалось, вот-вот взберется на какую-нибудь возвышенность случайный оратор и красноречиво запоеет словами многообещающего лозунга, сложенного в горячем порыве сердца, и приструнит толпу, выстроив ее в ровные ряды – голова к голове. А толпа,

как это было всегда – при всех царях и вождах, – возьмет да и поверит ему и себе, и тогда в ликованиях взметнутся ввысь тысячи шапок этих людей, готовых на свершения. До чего ж ты скоро падок на веселье, славянский народ, готовый укрощать свой здравый смысл пьяными выдумками и беспросыпным гуляньем!

Когда братья дошли до стадиона, заглянув по пути в парк отдыха, чтобы отыскать там товарища Глеба, на улице стало темно. Дождь то незаметно начинался, то так же без предупреждения прекращался, однако это не мешало честному народу веселиться. Для него на футбольном поле устраивались различные конкурсы, в Доме культуры проходили особенные киносеансы, также публику очень порадовали выступления местного ансамбля песни и пляски, трогательно исполнявшего русские и украинские народные песни. Показательным выступлением отличились и волейболисты, позднее уступившие место команде теннисистов. Ну и конечно же, какое народное гулянье могло обойтись без лазанья за подарками по столбу. Вечерняя же программа мероприятий обещала начаться выступлением популярного вокально-инструментального ансамбля, для которого на стадионе заранее соорудили большую сцену. А ближе к полуночи грандиозный салют станет прекрасным завершением праздника.

Около девяти вечера, казалось, все местные жители и жители близлежащих поселков уже полностью собрались на стадионе. Когда перестала играть фоновая музыка и должна была начаться живая от ВИА, на сцену вышел директор шахты. Он уверенным шагом подошел к микрофону, откашлявшись и извинившись, начал говорить заученную речь. Несмотря на свой высокий статус, он все равно волновался. «Волнуется! – думали люди. – Значит, есть о чем врать!» Но никакие замешательства не могут сбить с толку опытного директора! И вот уже через минуту после неудачного начала окрепшим голосом он продолжает говорить о том, что угольная отрасль сейчас переживает нелегкие времена, о том, что добывать уголь становится все сложнее и опаснее, что из-за недостаточного финансирования не всегда получается вовремя выдавать заработную плату работникам и так далее и так далее. Затронув проблемы современного общества, он также акцентировал внимание на нашей молодежи, на ее далеких от совершенства идеалах и кумирах. Говорил он увлеченно, но долго, чем успел надоесть слушающим. А кем, собственно, был этот директор? Наверно, никто из собравшихся здесь людей этого не знал! Да и никогда славянский народ не ведал, откуда берутся эти вожди пролетариата. И что, вообще, мог знать этот директор? Знал ли он о тех тяжелых часах ночных смен шахтеров? Знал ли о том «черном» настроении мужчин, которое прочно обосновалось в душах, как уголь под землей? А что он мог сказать о современной молодежи, у которой не было больше другого выбора, как идти после окончания школы работать на шахту? Если уголь принадлежал народу, то почему этому народу так тяжело жилось? Мог ли что-нибудь лично или косвенно сделать этот пресыщенный директор для зависящего от угля народа? Конечно, директором было сказано много и верного, и умного, но были ли предприняты попытки для решения проблем? Нет! В общем, главу шахты никто и не слушал, не хотел и не пытался слушать, потому что его обещания повторялись из года в год, но никогда не выполнялись.

После часового монолога, наградив грамотами лучших работников отрасли, выступавший наконец-то закончил. Заскучавший народ только этого и ждал! На сцену вышли музыканты. Ничуть не смущаясь взглядов людей, они бодро начали свое живое выступление. И народ почти сразу отошел от тяжелых речей и продолжил гулять, закончив далеко за полночь. Никто и не помышлял грустить.

День шахтера всегда ассоциировался с началом нового трудового сезона, являлся своего рода стартовой площадкой для перемен. Пересматривались старые приоритеты и появлялись новые, ставились смелые цели с учетом возросших потребностей и возможностей современной жизни. Людям хотелось в это верить.

Без особых потрясений минуло три года.

10

– Как так можно, а?! Ты ведь еще только первую неделю в школу ходишь, а уже получил замечание от учителя! – мать теребила в руке дневник Влада. – Вот Глеб сейчас придет! Пусть он займется твоим воспитанием!

– Mam, ну не говори ему, пожалуйста, я так больше не буду!

– Не знаю! Посмотрю еще! – строго заключила мать.

С замиранием сердца Влад слушал, как открывалась входная дверь. По характерному звуку связки ключей он понял, что это пришел брат. Взволнованно Влад взглянул на мать, пытаясь по ее глазам понять, насколько она была сейчас решительно настроена. Однако первое, о чем заговорила мать с Глебом, было не о дневнике, исписанном красной учительской ручкой.

– Ну что, решили, когда едете? – спросила мать Глеба, казалось, более взволнованно, чем когда ругала Влада.

– Решили, что завтра, но я уже сомневаюсь, что мы вообще куда-либо поедем вместе! – раздосадовано сказал Глеб.

– Что опять случилось? – спросила мать, хотя догадывалась, в чем было дело.

– Как он надоел! – говорил Глеб об отце, – он опять в гараже пьет. Прицепился ко мне: это не так, то не так! Я даже и не знаю толком, из-за чего я с ним поругался! Начал цепляться ко всему. И тебе нервы сейчас будет трепать – он идет следом за мной!

– О, Господи! – все пуще расстраивалась мать.

Анастасия Павловна с детьми расположились в напряженной тишине зала. Скованные плохим предчувствием, между собой они разговаривали мало, иногда только поглядывали друг на друга. Они уже знали, чем закончится сегодняшний день – тяжелой ссорой с главой семейства.

Как только Михаил Евгеньевич пришел из гаража, он тут же с порога грубо позвал жену по имени.

– Началось! – отчаянно выдохнула Анастасия Павловна и вышла в прихожую.

– А почему ты меня не встречаешь, а?!

– Ну как же, вот же вышла!

– Нет, – хитро протянул Михаил, – так жены любящих мужей не встречают.

Ну, в общем, понеслось! Уж очень хорошее сегодня было настроение у Михаила Евгеньевича для выяснения отношений с женой, уж так ему хотелось вспомнить наболевшее за двадцать с лишним лет их совместной супружеской жизни. Пусть и не помнит он всех обид за долгую семейную жизнь, как и не помнит уже о предмете нынешней ссоры с женой, но что-то его сейчас неотступно вовлекало в эти бессмысленные споры, отчего он, всегда раздосадованный и задетый за живое обидными словами жены, никогда не в силах был с ней примириться, как не мог примириться и сейчас.

Притаившийся в зале Глеб слушал, как родители обсуждали одно и то же на протяжении вот уже битого часа. Считая каждый недовольный вздох отца, долго раздевавшегося в прихожей, он был почти на грани, чтобы не выйти из себя и не вмешаться, прекратив этот бессмысленный поединок, пока у кого-нибудь из них действительно не сдали нервы и они не сорвали зло друг на друге. И тут, к счастью, отец зашел в кухню, и его вообще не было слышно какое-то время, но лишь самое короткое. Внезапно возникший из тишины нудный голос отца становился грубее, усиливаясь прямо пропорционально ответным эмоциям жены, и вдруг резко оборвался.

– Глеб, он взял нож! – дико закричала мать.

Этот крик пронесся по всему телу Глеба. Для него он послужил сигналом к рывку, как выстрел на старте для бегуна. Но, о Господи, как же тяжело ему было осознавать все происходящее! Откуда такая злость? Откуда вся эта решимость, как будто он уже давно это продумывал! Все как будто не с ним, все как во сне! За что ему сейчас это испытание! Почему Ты позволяешь ему поднимать руку на родного отца, ведь все равно потом заставишь в этом раскаяться и еще больше его полюбить? Почему? Однако Глеб уже не думал о последствиях. Он, как сторожевой пес, сорвавший с горла душившую его цепь, вскочил с места. В глазах на секунду замерло сомнение, но он цинично отбросил его, и следующий за этим решительный миг стал определяющим – «вот, пора, я готов!». Он твердой рукой выкатил из-под дивана самодельный гриф от штанги и вбежал на кухню. Истекли две минуты, когда не было слышно ни криков, ни ора, только шумное дыхание и какие-то обрывки слов, и то все как в бреду. Отец, сбитый с ног, уже сидел на полу в прихожей, опираясь спиной о стену. Его темно-оранжевая футболка, окропленная кровью, сливалась с побагровевшим лицом. Тяжело дыша, он обессиленно стирал ладонями со лба кровь, смешанную с потом. Через какое-то время, словно от стыда, закрыл лицо окровавленными ладонями и жадно набрал воздух в грудь, так и просидел он беспомощно минут пять, спрятав ото всех свое разбитое лицо. В квартире царил тишина. Анастасия Павловна, Глеб и Влад, переглядываясь, стояли молча рядом с избитым отцом, абсолютно бездействуя и не понимая разницы между чужим и родным. Опомнившись, мать ринулась куда-то и тут же вернулась, но уже не одна, а с бежавшей вслед соседкой Тамарой, которая, зайдя в квартиру, без лишних объяснений поняла, что произошло. Тамара, взрослая дородная женщина, быстро увела Анастасию Павловну с детьми к себе домой, а сама вернулась. Она с порога увидела, как на кухне лицом к входной двери сидел избитый Михаил, подперев голову рукой и спокойно наблюдавший как будто со стороны за происходящим. Встретившись с ней взглядом, он положил руку на стол и поприветствовал соседку. Как потом рассказывала Тамара, в тот момент она не увидела в его глазах злости, той злости, которая обычно появляется после драки, и которой, увидев во взгляде избитого человека, можно испугаться, но она отчетливо разглядела во взгляде Михаила такую обиду, которая надолго поселяется в душе. Она подошла ближе, чтобы помочь ему встать, но он сам спокойно привстал на ноги, прошел чуть-чуть вперед и остановился в раздумье. Не дожидаясь, Тамара взяла его под руку и повела в ванную комнату. Проходя мимо зеркала, Михаил в последний раз осознанно посмотрел на свое побитое лицо, а дальше впал в протрацию, в какую-то дремоту, окутанную белой дымкой и застилавшей глаза пеленой. Он не помнил, что было потом, не помнил, как они вдвоем зашли в ванную, не помнил, как Тамара открыла кран с холодной водой и печально смотрела невидящими глазами

на Михаила, который смывал кровь со своего лица. Выслушивая от него какие-то скомканные фразы, она почувствовала, как в ней поднимается женская солидарность. Тамаре было жалко Михаила, но она также понимала, что на его месте могла оказаться и Настя, только избитая своим мужем. И вдруг до чего же сильно ей захотелось вспомнить и свои обиды от своего благоверного, что, поддаваясь неконтролируемым, резко нахлынувшим эмоциям, она не смогла сдержаться, и подступившие к горлу ядовитые слезы так легко полились по щекам и обожгли женское сердце. Память вошью въедается в кожу. Ее не смыть водой, от нее не отмыться полностью, как от грязи. Не так ли давно зажили и ее синяки? Тело многое перенесет, а вот обида остается и дразнит всю жизнь. Огорченная воспоминаниями, Тамара решила больше не разговаривать с Михаилом, тем более что он и сам молчал, предложила лишь сходить с ним в больницу, на что и тут он промолчал, отрицательно покачав головой. Через время, убедившись, что больше она не нужна, Тамара утомленная и расстроенная ушла к себе.

Несколько дней Анастасия Павловна с сыновьями ночевала по квартирам знакомых.

11

-Ну как ты, Настя? Как твое самочувствие? Какая-то ты измученная! Как там Михаил? – хотя о драке Глеба с отцом мало кто знал, Надя, подруга Анастасии Павловны, этими вопросами как будто бы приносила свое запоздавшее сочувствие именно по этому поводу. Надежда встретила Анастасию Павловну на улице и пригласила в гости, ей явно не хватило пяти минут разговора этой случайной встречи.

– Анастасия Павловна! – обратилась она уважительно. Подруги разместились на кухне у окна и пили чай за небольшим столиком. – Ты ведь такая семейная женщина: какое хозяйство держишь, сыновей каких воспитала, сама всегда чистая, ухоженная, от тебя всегда положительной энергией подпитываешься. А сейчас ты какая-то подавленная! Что, Михаил нервы треплет? Мой-то, слава Богу, мирно стал жить, хотя у самой недавно синяк с руки сошел. Вспомню, как он меня недавно за руку дернул, так место это и начинает болеть!

После нескольких минут Анастасия Павловна, согретая чаем, почувствовав тепло и сопереживание собеседницы, решила открыться подруге.

– Михаил! Что Михаил?! Хоть раз бы меня пожалел! Зато нервы трепать мои он может! Когда трезвый, он нормальный мужик, чуть выпьет, так крыша у него сразу едет! Всю душу вынул! – Анастасия судорожно теребила большую связку ключей. – А как сильно младший мой, Владик, стал бояться отца! Ему отец кажется таким злым, что от него после моих с Михаилом скандалов он иногда прячется по углам квартиры. Давай не будем говорить об этом! Лучше поговорим о чем-нибудь другом! Ты мне рассказывала про свою подругу, которая на заработки в Турцию должна была съездить! Что, приехала уже?

– Вот об этом-то я и хотела с тобой переговорить! – сказала Надежда, огорчившись, что так резко сменилась тема разговора о мужьях, но, не подав и вида, продолжила новую беседу. – Лена, моя подруга, на днях вернулась из Турции, и пробыла она там недолго, около двух-трех недель. Я сама толком с ней еще не поговорила. Она заходила к моим родителям, сказала, что мне звонила, а меня не было дома. Я ей в тот же день перезвонила и пригласила ее к себе. Она придет в пятницу в семь вечера. Приходи обязательно и ты, послушаешь, что она расскажет. Но, как я почувствовала по ее голосу, она довольна поездкой. Привезла кое-какой товар на продажу. Говорит, что в Турции только и слышна русская речь вперемешку с украинской! Наших-то за границей очень много! Я тоже хочу поехать в Турцию! Но вначале надо еще с Леной посоветоваться, она ведь все-таки уже знает, с чего начинать.

– Ты одна хочешь поехать?

– Не знаю, может, и с ней. Посмотрим, как получится! Не буду загадывать. А ты не хочешь поехать на заработки за границу?

– Я задумывалась об этом. Тяжело так сразу решиться!

– Почему?

– А как работа моя, я ведь все-таки официально работаю на шахте? На кого я детей с мужем оставлю! Ну я, конечно, посоветуюсь с Михаилом, но не знаю, вряд ли он меня отпустит! Хотя попробую! – решительно заключила Анастасия Павловна, чем выдала свое тщательно скрываемое и давно обдумываемое желание уехать на заработки за границу.

От Нади Анастасия Павловна напрямик отправилась в сторону гаража. Зная о том, что Глеб работал в пристройке, она зашла сначала к нему. Его отношения с отцом заметно ухудшилось. Они не общались и не могли долго находиться вместе без того, чтобы не оскорбиться друг на друга. Мало того, что Михаил уже который раз не брал Глеба в свою бригаду, но и нарочито перестал давать ему поручения по завершению вместе начатого строительства пристройки, и, не ожидая ни от кого помощи, работал в одиночку. Однако Глеб всегда был при деле и сам для себя находил работу. Услышав приближение чьих-то шагов, Глеб обернулся.

–Как дела, сынок?

–Нормально... – нехотя отвечал Глеб. Слабый сентябрьский дождь еле ощутимо сеял капли и глухо бился о спецовку Глеба.

–Ты ел?

–Да...

–Отец в гараже?

–Угу...

Михаил с раннего утра был в гараже. Его не мучила бессонница и не одолевало беспокойство или что-то еще. Просто привычка рано просыпаться и все успевать с годами только усилилась (чем он и гордился), и, пожалуй, уже невозможно было изменить ни ритм его жизни, ни режим его дня, ни его самого. Однако свою усталость он с лихвой компенсировал полутора часовым сном после обеда. Сейчас же в гараже он был не один. Частым завсегдатаем гаража был его младший друг Александр. У них было взаимовыгодное сотрудничество: Александр с завидной частотой приходил к другу за советом касательно ремонта своей машины или, как, например, сейчас, не сумев применить данный ранее совет, надолго загонял машину к Михаилу, как он считал, высококлассному механику, в надежде, что тот все-таки найдет в ней неисправности. Взамен Михаил Евгеньевич использовал машину Александра в своих транспортных целях и нуждах. Как же, спросите Вы, у такого работающего человека, как Михаил Евгеньевич, не было собственной машины! Дело в том, что в начале девяностых, посоветовавшись с женой, он благополучно продал свою почти новенькую машину, рассчитывая, что на вырученные деньги, добавив, он приобретет абсолютно новую. Но у судьбы на этот счет были свои планы. Тут же после того как он ее продал, началась перестройка, экономика рухнула, и все обесценилось, обесценилось даже то, что было отложено детям на сберкнижках. Так что на вырученные от продажи машины деньги они смогли купить лишь китайский сервис, правда, настоящий «Китай», заводской. И зачем нужно было продавать машину?! Как ездила она не один год под Михаилом по шпашкам на не совсем новых колесах по не совсем хорошим дорогам, так и ездила бы еще очень долго, благополучно ржавея в гараже. Потом он часто смотрел с сожалением на проезжавшую мимо свою бывшую «шестерочку» синего цвета. Но случилось то, что случилось. Еще не так ошарашит жизнь, треснув дубиной по седой голове.

Открыв тяжелую гаражную дверь и впустив в плохо освещенное пространство помещения дневной свет, Анастасия Павловна осторожно вошла в гараж, застав Михаила за ремонтом машины, занимавшей всю полезную площадь. «Когда же он от нее избавится?» – с досадой подумала она. Визиту незваной гостьи Михаил не придал значения и продолжил увлеченно копаться под капотом. В установившейся тишине Анастасия Павловна на секунду задумалась о своем, настраиваясь на серьезный разговор, но тут же опомнилась, когда Александр, еле вме-

щавшийся со своим большим животом в узеньком проходе между машиной и стеной, закопавшись, выдал свое присутствие легким покашливанием.

– Саша, это ты?

– Привет, соседка! – доброжелательно ответил тучный Александр.

«Вот опять не получится поговорить», – решила Анастасия.

–Привет-привет, сосед! Как там Валентина твоя поживает? Что-то давно ее не видела! – любезничала Анастасия Павловна. Однако каждый раз при виде Александра ей часто вспоминалась его жена, которую он часто бил, отчего в душе она его недолюбливала.

«Наверное, все рассказал ему, как мы его избили?» – подумала Анастасия Павловна про мужа.

–Нормально поживает! – засуетился Александр, успевший весь мел стереть со стен своей спиной.

– Настя, глянь, а каша курам доварилась! – Михаил после последнего скандала вел себя как ни в чем не бывало. Послушная жена открыла крышку большой кастрюли, стоявшей у самого входа на электрической печке: повалил густой пар и запах вареного комбикорма.

–Я думаю, можно выключать.

–Глеб там работает?

–Работает! Еще как работает! – хвалила мать. – Такая плохая погода на улице! Пусть хоть погрееется немножко!

–Ничего с ним не будет! – грубо ответил Михаил, сильно затянув гайку ключом. – Я скоро уезжаю на шабашку. Глеба с собой не беру. Пусть он устраивается на шахту, пока есть возможность. Может, шахта оплатит его обучение.

– Да, было такое, что шахта оплачивала обучение... – неуместно вставил Александр и стушевался.

– Да, и он об этом думал! – Анастасия Павловна испытывала неловкость оттого, что муж стал обсуждать семейные дела при постороннем. – Я с ним еще поговорю, как ему лучше сделать.

– О чем с ним говорить? Пусть устраивается на шахту и все! Для него работа на шахте... большим опытом... будет! – Михаил Евгеньевич хотел было сказать «большим уроком», но сдержался. – Смотри! Только не вздумай его отговаривать, хватит с ним уже церемониться!

Так и ушла Анастасия Павловна домой в плохом настроении, да еще и омраченная плохим предчувствием.

12

На следующий день, управившись с дневными заботами, Анастасия Павловна ближе к вечеру решила испечь пироги. Она замесила тесто и принялась сосредоточенно и усердно обеими руками раскатывать по скрипевшему столу кусок бесформенного теста.

– Мам, кто-то в дверь стучится! – вдруг сказал Влад, прервав творческий порыв матери. Мать в ответ настороженно посмотрела на сына, и, хотя и знала о его самостоятельности, все равно решила сама узнать о незваном госте, который необычно долго и терпеливо ожидал ответа за дверью. Мягкими шагами она приблизилась к двери и прильнула к глазку.

– А, это тетя Наташа к нам пришла! – Анастасия Павловна мягко повернула замок и открыла дверь, с улыбкой впустив красивую молодую особу с ее двенадцатилетним сыном. Мальчик по имени Стас, очень похожий на свою мать, поздоровался сперва со старшими, а потом по-дружески – с Владом. О его матери, цветущей роскошной женщине, на Квартале Шахтерском знали многие, и те, кто ее знал, могли сказать одно – она беззаботно прожила все свои полные тридцать лет, ни о чем не сокрушаясь и не волнуясь. И действительно, ей пока что удавалось жить такой жизнью, а именно весело и безопасно. И только воспитание

сына было единственным, к чему она, пожалуй, относилась серьезно. Предшествующая этому цель – выйти замуж – ею была достигнута как бы наполовину: она уже не один год жила с ребенком в квартире бывшего мужа, который за это время то заново в нее влюблялся, и они снова сходились, то неожиданно начинал ее ненавидеть. А все потому, что нрав у Наташи был буйный!

Наташа была обладательницей стройной и статной фигуры, ее движения были уверенными и спокойными: красивые руки всегда ухожены, походка грациозна, а осанка ровна. Пышные черные волосы, от природы выющиеся, обрамляли правильный овал ее лица, а большие карие глаза с густыми ресницами всегда смотрели живо и любопытно. Волевой подбородок – признак ее сильной натуры. В общем, всегда улыбающаяся и сияющая, она располагала к непринужденному общению, даже без определенной темы разговора. Однако, будучи с виду положительной, ее несложившаяся личная жизнь не одобрялась общественным мнением.

– Настя, – забыв о разнице в возрасте, обратилась Наташа, – иду к тебе и думаю, даже стыдно самой себе признаться: сколько лет прожила, а до сих пор не умею пироги печь! Что уж там говорить, я даже не знаю, как тесто приготовить! – призналась Наталья, доброжелательно улыбаясь. – Никогда не думала, что буду учиться печь пироги в таком возрасте!

– Ничего страшного, Наташа! Что ты переживаешь? Я вот, например, многим рецептам у своей матери училась, но все равно по сей день что-то свое добавляю и придумываю, потому что каждая хозяйка по-своему все делает! – Наташа одобрительно кивала головой, доверяя опытной подруге.

Анастасия Павловна сразу же провела гостей в зал, подальше от душевной кухни, чтобы отвлечься от кулинарных бесед и завести женские разговоры. Там все присели – кто в мягкие кресла, а кто на диван. Немного поболтав о том, о сем, Анастасия Павловна предложила Наташе пойти подальше от детей, на кухню, для бабьего разговора. Детвора, приняв этот маневр взрослых как намек, побежала на улицу, шумно спускаясь вниз с четвертого этажа по лестничным пролетам. С уходом детей кулинария на некоторое время отошла на второй план. У женщин всегда есть о чем посплетничать. Однако Наташа, к удивлению Анастасии Павловны, не хотела терять драгоценное время на пустые сплетни, настаивая на том, что обо всем она будет рассказывать по ходу кулинарного мастер-класса. Анастасия Павловна принялась готовить сдобные пирожки, а Наташа запоминала каждое движение подруги, которая все делала быстро и ловко, хотя все это было лишь делом привычки. Она хотела было начать записывать все ею увиденное, но побоялась отвести глаз от стола, где колдовала Анастасия Павловна. На кухне воцарилась доброжелательная атмосфера. Этим двум женщинам, сильно отличавшимся друг от друга, так легко было найти общую тему для общения. Они внимательно слушали друг друга, и разные взгляды на жизнь независимых женщин удивительным образом находили отклик в душе каждой: претензии амбициозной, но доверчивой молодости, смягчались терпеливой материнской отзывчивостью.

Было около половины десятого вечера. За окном спокойно дышала осень. Дети давно вернулись с улицы и играли в зале.

– Не знаю, Настя, как жить мне дальше! – неожиданно призналась Наташа, словно продолжая незаконченный разговор. – Работы в городе нет и не будет, а мне еще Стаса на ноги поднимать. А о Витьке я вообще молчу! Он уже давно нам не помогает!

Анастасия Павловна, чтобы хоть как-нибудь приободрить отчаявшуюся подругу, помочь ей советом, рассказала Наташе о работе за границей. Она поведала ей все, что узнала от Надежды и что интуитивно предполагала лично. Однако, сама того не ожидая, она натолкнула подругу на еще более серьезные раздумья, которых, по сути, Наташа избегала всю свою сознательную жизнь.

– С удовольствием бы, Настя! А как все это организовать? Опять же деньги нужны: на билет, загранпаспорт, проживание в гостинице, на товар и мелкие расходы! Везде нужны

деньги! А где я их возьму? – Наташа говорила так уверенно, будто этой темы она уже не раз касалась.

– Ну а если у кого-нибудь одолжить!

– Я даже не знаю, у кого занимать! Никто сейчас не даст!

«А, дорогая моя, значит, тебя не так сильно припекло, как жалишься!» – разочарованно заключила Анастасия Павловна. Разговор как-то сразу перешел в другое русло, на дно которого осел неприятный осадок недопонимания.

Гости стали собираться домой.

– Стасик, возьми пакет с пирожками, пока мама одевается! – Стасик жадно заглянул в пакет.

– Как вкусно пахнет! Спасибо!

– Пожалуйста! – добро ответила Анастасия Павловна.

– Спасибо, подруга, за то, что потратила на меня столько времени!

– Наташ, я только рада тебе угодить, ведь не так часто видимся!

– Завтра все так же повторю, как ты делала! Посмотрим, что получится! У моей мамы духовка хорошая, вот у нее и попробую! Но ты меня опять скоро жди! Я и пасхальное тесто не могу готовить! – смеялась Наташа.

13

– Долго не задерживайся! Сходи в гости к Саше, а после сразу иди в гараж! Нужно, чтобы ты мне помог! – строго приказал Глеб младшему брату, отчеканивая слова и дирижируя указательным пальцем. Влад молча выслушал наставления брата и послушно согласился.

Глеба воспитали как самостоятельного и ответственного человека. Отец рано приучил его к труду и всегда заставлял его усердно работать, несмотря на юный возраст. С ранних лет своих Глеб очень часто получал ответственные задания от отца, который не принимал отказов. Столь требовательное воспитание касалось и спортивного духа Глеба. Если его кто-нибудь из мальчишек задирает на улице, то Михаил Евгеньевич не впускал сына домой, пока тот не давал сдачи. За воспитание же Влада Михаил Евгеньевич и не пытался браться. Возможно, это произошло из-за того, что к моменту рождения младшего сына, как воспитатель, он вполне реализовался с Глебом, с другой стороны, до той поры, как Глеб станет сам себя обеспечивать, пройдет много лет, и строгий отец еще долго будет заставлять его помогать себе в работе. Такая безучастность Михаила Евгеньевича по отношению к Владу попросту могла произойти и от банальной нехватки моральных сил или от обычного безразличия. Но как бы там ни было, за воспитание Влада отвечал Глеб – он стал его близким наставником, взяв под неусыпный контроль его пока еще беззаботные будни. И этому факту Влад был рад. Он боялся старшего брата, и в то же время очень сильно его любил и уважал, и даже когда того не было рядом, Влад часто представлял перед глазами его образ, его пусть строгое, но так горячо любимое лицо. Владу казалось, что Глеб всегда стоит за его спиной и ждет момента, чтобы сделать ему замечание за непослушание. Оставаясь наедине с самим собой, Влад часто фантазировал о том, как он мог бы выглядеть со стороны, ведь во всем он старался походить на брата, подражая его движениям, копируя его мимику и жесты. Даже в общении со своими сверстниками он часто в разговоре приводил слова, сказанные ранее братом.

Сейчас, выслушивая брата, Влад уже определенно знал, что долго ему побыть в гостях у друга не получится. Да и настроение уже было подпорчено. И вот в таком дурном расположении духа, опустив голову и смотря себе под ноги, Влад не спеша шел к Саше. Но стоило ему увидеть радостное лицо друга, быстро откликнувшегося на торопливый стук в дверь, как тут же плохое настроение Влада улетучилось в неизвестном направлении. Вот что значит детская непосредственность! Незнакомый быт, заманчиво-привлекательный уют чужих квартир,

новые запахи, цвета, интерьер – все это манит детей. Да что там говорить – в гостях всегда интереснее и вкуснее! С Сашей Влад познакомился недавно, хотя последний был младше года на два, но вдвоем им было интересно. Саша отличался незаурядностью, проявлявшейся в том, что он постоянно что-то изобретал, конструировал, вступал в бурные споры с друзьями, придумывая какие-то новые игры, в которые играли все. В его детской комнате всегда был ужасный беспорядок: какие-то собранные модели конструкторов в большом количестве лежали на столе, на полках, даже на полу валялось так много игрушек, что приходилось ступать на цыпочках. Когда Влад заходил в его детскую комнату, то оказывался словно в магазине игрушек. Во всем этом беспорядке непременно хотелось разобраться, и каждый предмет обязательно нужно было детально рассмотреть. Владу всегда так не терпелось закрыть дверь и с разрешения рассматривать и рассматривать все эти игрушки, слушая, как Саша непонятно объясняет что-то о своем новом изобретении.

Сегодня Влад пришел в гости к другу в тот момент, когда мать Саши затеяла генеральную уборку в квартире. Отца семейства не было дома, поэтому помогли ей дети. Переступив порог, он сразу увидел, как из комнаты в комнату бегала старшая сестра Саши, выслушивая недовольные возгласы матери, на которую она старалась не смотреть. Влад мигом проскочил в детскую, но и оттуда их почти сразу же выпроводили в зал. Саше доверили убраться в своей комнате, однако эта задача оказалась для него непосильной! Наверное, ребенок и не догадывался, как должен выглядеть этот самый порядок. Дети разочарованно присели за пианино, и Саша стал что-то выстукивать на клавишах, но и тут некое подобие «собачьего вальса» оборвалось, когда мать стала лихо протирать пыль с громоздкого инструмента.

«В этой квартире никогда не наведешь порядок!» – разочаровано подумал Влад. Так прошло около часа. И когда уже стало казаться, что дети загрузили, мать Саши неожиданно рухнула в кресло с возгласом «Наконец-то!». Наконец-то детям было разрешено играть в своей комнате.

Позабыв о времени и обо всем на свете, мальчишки нагуливали аппетит за увлекательными играми в Сашиной комнате.

Внезапно за игрой Влад вспомнил про данное обещание брату вернуться пораньше. Убедившись, что прошло уже три часа и даже больше, Влад молнией вылетел из гостей. Он пробежал весь путь от Саши до гаража как стометровку на физкультуре с идеальным временем. Но на всем этом коротком пути он не мог избавиться от тревожной мысли, что в своем опоздании он действительно виноват, что он нарочно пытался заглушить мысль о давно уже ожидавшем его брате; он осознавал, что все это время, проведенное в увлекательных играх с Сашей, он помнил о своем обещании, но не в силах был его не нарушить, не умея противостоять самому себе. Только тогда, когда за его спиной хлопнула дверь Сашиной квартиры, он понял, как же безответственно поступил, и от осознания этого ему становилось не по себе, и было еще хуже от того, что он, пытаясь уйти от предстоящего наказания, намеренно искал себе оправдание.

Подходя к сараю, Влад издалека увидел, как на огороженном участке курятника суматошно бегал Глеб, уворачиваясь от никогда не взлетающей так высоко пернатой живности. Влад на минуту остановился, спрятавшись за деревом, и стал наблюдать, как брат отлавливал кур и озадаченно осматривал их в руках, а потом, небрежно выпуская из рук одну птицу, он принимался отлавливать другую. Что интересно, зажата в руках птица смиренно терпела. Глеб нервно что-то бормотал и матерился. В сарае стоял шум и грохот. Поилки были перевернуты верх дном, кормушки были навалены друг на друга. Дико кричали и шипели сбившиеся в кучу гуси, обидчиво кудахтали куры, попадавшие под ноги и все норовившие перепрыгнуть через высокую сетку ограждения. Все были измучены, Глеб запутался и по несколько раз осматривал одну и ту же птицу.

«Не показываться бы ему сейчас на глаза!» – решил Влад, незаметно подкравшись в вольеру. Глеб, погруженный в мысли, пока не замечал брата. Он неподвижно стоял в середине

вольера, оперев руки в бока. Его мокрая рубашка была распахнута, один рукав был закатан до локтя, а другой – спущен. Вид у него был такой, как будто только что выбежал из горящего дома.

– Глеб! – с большим усилием произнес Влад. Глянув в глаза резко обернувшегося брату, Влад моментально представил всю масштабность произошедших событий.

– Подойди-ка сюда! – выдавил из себя Глеб. Влад перекинул руку через сетку, чтобы открыть шпингалет, и вошел, затворив за собой дверь и остановившись как можно дальше от брата. – Где ты был? Я тебе что сказал?.. – захлебываясь от ярости, Глеб подавился слюной. Прокашлявшись, он нервно шагнул по направлению к Владу. – Сюда иди! – Не решаясь двинуться с места, Влад испуганно смотрел исподлобья. – Чем ты занимался? Ты что, не понимаешь, что должен был быть здесь еще три часа назад? Или ты не помнишь? Или тебя вообще ничего не касается и ничего не волнует?

– Нет... – почти проплакал Влад, не изменяя выражения раскисающегося лица. В его горле стоял комок, отчего ему хотелось прокашляться, но он не смел даже пошевелиться.

– Ну, так в чем причина тогда? А? Что ты молчишь?

– Я задержался у Саши, потому что...

– Что ты там мямлишь? Или ты думаешь, что этот Саша тебя будет кормить? – от ярости голос Глеба становился тише, и от этого Владу было еще страшнее. В сложившейся ситуации братья были бессильны друг перед другом: Влад не в силах был оправдаться, а Глеб не хотел ничего принимать.

Влад стоял неподвижно, не чувствуя ни ног, ни рук, он только и думал, чего можно было ожидать от брата, который то возбужденно размахивал руками, то обессиленно их ронял.

– Тебя что, ничего в семье не касается или ты обособленно ото всех живешь, сам по себе? Да? Так получается? – продолжал Глеб. – Ты догадываешься, что произошло, пока тебя не было? Нет? Ну так я тебе сейчас все расскажу! Наши гуси смешались с соседскими, когда я их гнал на выпас! Нужна была твоя помощь, а тебя не было рядом! – снова вспыхнул Глеб и тут же отпустил Владу увесистый подзатыльник. Тот стерпел, но от этого еще сильнее ссутулился, сдвинул брови и надул губы. Но это было еще не все! Глеб почти сразу же отвесил вторую затрещину, третью, но в третий раз он промахнулся, лишь несильно чиркнув по уху, отчего то затрещало. Влад усмехнулся. Но Глебу было не до шуток. Он все напирал и напирал на младшего, который отступал все дальше и дальше, пока не оказался в самом углу вольера. Глеб не сдерживался в выражениях. В какой-то момент мимо них прошел сосед, но Глеб спокойно обернулся и, не скрывая злого выражения лица, безразлично поздоровался с ним и на секунду замолчал, дожидаясь, пока тот уйдет. Влад вдруг решил, что старший брат успокоился, но все было далеко не так: Глеб угрожающе приказал идти за ним в сарай.

Глеб вошел первым, Влад – вслед за ним. В сарае зашелестели под ногами свежие опилки, заскрипел деревянный пол. Глеб изнутри запер дверь и тут же, не раздумывая, дал два увесистых подзатыльника брату. От резкого движения из-под подошв вылетели опилки.

– Будешь еще так подводить меня, как сегодня? А? – вместе с вопросом Влад получил пощечину, он уже плакал, но плакал больше от обиды, чем от боли. – Не слышу! – И тут же, не дожидаясь ответа, Глеб сорвался. Загнанного в угол Влада он принялся бить по щекам, а потом, разгорячась, стал бить по плечу и в грудь, но уже кулаками. Влад надрывно рыдал и сорванным голосом кричал: «Не надо!» В его ушах звенели перепонки. Глеб не вкладывал в удары особой силы, стараясь лишь напугать, но и это было уже слишком. Внезапно Глеб как будто пришел в себя: он остановился и замер. Влад не переставал плакать. Забившись в угол, он не отводил глаз от брата, который, опомнившись, вышел вон, но через минуту неожиданно вернулся.

– Пойдем! – сказал Глеб. Влад молча встал. Глаза его были красны, на правом локте была ссадина, грудь подергивалась от всхлипываний. Он стряхнул с себя опилки и медленно вышел с сознанием того, что теперь уже может никому ничего не объяснять, да и никому не нужны

были его объяснения. Выходя из сарая, он не заметил ступеньку и чуть не упал, но удержался на ногах. От резкого движения со спины и с головы посыпались остатки прилипших опилок. Глеб закрыл за ним дверь, и они оба направились в сторону дома.

Влад шел сзади, стараясь скрыть от прохожих слезы. Он никак не мог успокоиться. У него не было ни злости, ни чувства мести, лишь одна обида на своих родителей, которые заставляли терпеть такое унижение. Глеб спустился с пригорка и обернулся в сторону Влада: тот шел, опустив голову. Почти у самого дома им встретилась мать. Влад, как обезумевший, сорвался с места и побежал прочь, но она, еще издали увидев его заплаканное лицо, кинулась его догонять.

– Влад, Влад, сынок! – ласково раздавалось вслед сыну. И Влад сдался. Он остановился и, не оборачиваясь, сменил бег на медленный шаг. Мать подбежала к нему. – Что, он бил тебя? Сильно, сынок? – она обнимала и гладила его ладонями по спине, по голове, тщетно пытаясь успокоить. В каждом ее материнском движении не было ни малейшей заминки: она уже это делала и еще не раз будет делать. Обернувшись, она стала бранить Глеба. – Изверг! Ну разве так можно?

Глеб стоял в стороне, не пытаясь оправдаться. Сейчас он действительно раскаивался. Позднее он извинится перед братом и матерью, дав обещание в том, что никогда больше и пальцем его не тронет.

Мать за руку повела Влада домой, а ребенок этот и не требовал к себе ласки и внимания, потому что никогда он этим избалован не был.

14

Вот уже целый месяц Анастасия Павловна терпеливо ждала от Надежды ответа на предложение о совместной поездке на заработки. Почему-то с самого начала она была твердо убеждена в том, что намерения младшей подруги оставались в силе, и она обязательно согласится на поездку в Турцию, которая быстро осваивалась российскими и украинскими челноками. Но со временем Анастасия Павловна стала замечать то, что бывшая непоколебимая решимость подруги взяться за новое дело вдруг куда-то стала исчезать. При каждой встрече с Анастасией Павловной она вела себя так, будто того разговора и не было. И вскоре Анастасия Павловна решила отказаться от затеи брать в напарницы свою подругу – в зеркале будущих событий она видела только свое отражение.

Анастасия Павловна сидела у окна, поджав ноги под стул и мирно сложив руки. Было около семи утра. Она задумчиво смотрела в окно, так что не сразу заметила вошедшего на кухню Глеба.

– Привет, мам! Мне такой сон приснился! – восторженно пропел Глеб, остановившись в дверном проеме. Крепкий сон принес ему силы и свежесть. Он улыбался, был вдохновлен, но вместе с тем и слегка растерян. Анастасия Павловна, повернув голову, удивленно смотрела на сына. На секунду он замолчал, уставившись в одну точку, но потом, словно вспомнив что-то важное, о чем он так рвался сообщить, очнулся, и лицо его засияло радостью и теплотой от воспоминаний о чудесном сне.

– Мама, мне приснился Господь Бог! Под утро в окне спальни, озаряя всю комнату, появился яркий-яркий свет, шторы переливались золотом! И этот свет падающей звездой приближался все ближе и ближе, и, когда он уже был совсем рядом, в окне предстал образ Господа, парящего в воздухе. Он был в красивом одеянии, и от него исходило сияние. Как только я его увидел, то почувствовал тепло. Я поднялся с постели в ожидании чуда. «Все будет хорошо! Все будет хорошо!» – сказал он мне и так же неожиданно исчез, как и появился. У меня такое ощущение, будто я всю жизнь ждал этого момента!

Мать все это время, не отрывая взгляда, любовалась сыном. Как же он сейчас был счастлив из-за появившегося перед ним знамения! Из его уст лилась рекой радость. Он, захлебываясь, снова и снова пересказывал свой сон, добавляя и дорисовывая. Но для чуткой матери не это было важным, а именно то, что ее сын сейчас испытывал настоящее счастье и облегчение. Он действительно ждал чуда! Когда, казалось, Глеб высказался, мать жестом подозвала его к себе. Прижавшись к матери и положив на ее плечо голову, Глеб слушал, как билось ее сердце. Вот так бы и всю жизнь он хотел чувствовать, как материнская рука нежно перебирает его волосы. Погрузившись в детские воспоминания, Глеб думал о любви к матери и о Боге.

– Знаешь, Глеб, – прервала молчание мать, – не буду я надеяться на эту Надю! Пока она решится ехать, я упусти свой шанс. Я и сама знаю, как все организовать! Ты как считаешь?

– Всем известно, что Надя молотъ языком только может! На словах она все знает и может. Я всегда был уверен, что ты сама без нее сможешь все провернуть. И тебя в этом только поддерживаю! Конечно, легче было бы поехать вдвоем. Надя, возможно, знает, как и через кого поехать в эту Турцию, только поэтому ты ее до сих пор и ждешь. Но ты и сама нигде не пропадешь!

– Знает? Да она знает не больше, чем я! Надя! Ее не оторвать от теплого места! На нее только понадейся! Кому я нужна? Пока сама все не узнаю, никто не подскажет. Нужно только на себя надеяться! Да и потом, может, я и не в Турцию поеду! Что Турция? Надо что-то интереснее найти!

– А куда тогда ты хочешь поехать? – Глеб удивленно посмотрел на нее.

– Я слышала, что можно поехать на заработки в Грецию. Даже визу туда легче получить! Но видишь, какая ситуация: в Турцию едешь только за одеждой, по времени это займет недели две, а в Грецию едешь для того, чтобы найти там работу, и работа нужна на длительное время, где-то на полгода или больше, – мать встала со стула и стала оживленно ходить по кухне. – Пора принимать решение, и чем раньше, тем лучше! Неужели я не смогу?! Смогу, конечно!

В эту ночь из командировки приехал Михаил Евгеньевич. Соскучившаяся жена встретила его тепло. Он был уставшим, но за то долгое время, которое он провел в бесконечных поездках от одного объекта к другому, сделался выносливым и мог жить практически в любых условиях, а бытовые условия на шашках всегда оставляли желать лучшего. Отужинав, Михаил Евгеньевич улегся спать. Анастасия Павловна хотела было поговорить с мужем, но он не был расположен слушать, и разговор отложился на завтра. Приезду отца Влад тоже был очень рад. Ночью, услышав его голос, он хотел встать, чтобы поздороваться, но, обессиленный сном, не смог подняться с постели. В эту ночь он спал очень плохо, обдумывая недавний разговор с матерью.

– Влад, поедешь к бабушке учиться? – недавно спрашивала мать.

– Не хочу!

– Как это не хочешь! А с кем ты тогда дома останешься? Отец скоро уедет на шашку, его ведь неделями не будет дома. Глебу нужно в институт, и я скоро ради тебя уеду за границу работать, за тридевять земель? Кто за тобой следить будет?

– Я один буду жить!

– Ну, дорогой мой! Ты должен меня слушаться, потому что я никогда тебе плохого не пожелаю!

– Но я же смогу сам жить, я все умею! Мам, ну ты ведь еще не уезжаешь! Я поеду к бабушке тогда, когда ты соберешься уезжать. А вдруг ты вообще не поедешь? Получится так, что это все будет зря!

– Когда я куплю билет, у меня не будет времени с тобой возиться, тем более тебя же надо устроить в новую школу!

– Ну, я тогда останусь и никуда не поеду!

На следующее утро все проснулись рано. Михаил Евгеньевич, изголодавшись по общению с женой и сыновьями, сам завел разговор, и первое, с чего он начал, – это был рассказ о событиях на работе: он обсуждал свою бригаду, говорил о том, что придумали нового, недобрым словом вспомнил вороватых и нерадивых заказчиков. И только теперь, в кругу родных, многие проблемы казались ему не такими серьезными. Как бы тяжело ни было ему, какие бы лишения командировочной жизни он ни испытывал, Михаил Евгеньевич никогда не жаловался. Жена и дети внимательно слушали, не смея его перебивать. Им было приятно находиться рядом с главой семейства. За такой вот дружной беседой после долгого расставания уходят обиды и приходит осознание того, как все друг другу дороги и как любимы.

За все время рассказа отца Влад не переставал думать о том, что ему, возможно, скоро придется, пожертвовав друзьями, учиться в новой школе и уехать в незнакомый город. Он очень был омрачен этой мыслью и не мог избавиться от нее, предчувствуя серьезные перемены в своей жизни.

Было около восьми часов утра, когда вся семья после завтрака собралась ехать на базар, в центр города.

Жизнь проходит очень незаметно, ускользает в череде близких событий, а запоминаются только те моменты, когда мы, смеясь судьбе в глаза, совершаем безрассудные поступки. Этими поступками мы осознанно загоняем себя в кольцо непрерывных лишений и трудностей, непременно надеясь, что все это не зря, что все это во благо близких людей, и чем сильнее судьба нас бьет, тем отчаяние мы сопротивляемся.

15

Анастасия Павловна, не без колебаний, все же отважилась поехать на заработки в Грецию. Чем больше она думала и взвешивала все за и против, оттягивая время, тем труднее было решиться, и она это прекрасно знала. Что греха таить, этот старт давался ей тяжело еще и потому, что ехать ей предстояло одной, без чьей-либо поддержки в пути. Но сделав для себя вывод, что одной ехать будет проще, она уже перестала замечать преграды и видела впереди только желанную цель. Оставалось надеяться на поддержку родных, в которой она не сомневалась.

Пока она будет за границей, Влад отправится в Луганск, к бабушке с дедушкой, где будет жить и учиться. Для Влада, как он и предполагал и как бы сильно он ни старался этому помешать, все обернулось против его воли, против его душевной потребности жить в родном доме. Но Анастасия Павловна на тот момент уже не думала о любви к родным и о том, какие сложности им придется пережить, а руководствовалась личными амбициями. А какие, в сущности, могли быть сложности для остальных членов семьи? Они остаются здесь, на родине. Кому и будет действительно тяжело, так это ей. Проблем всегда хватало здесь и сейчас, так нет ведь, ей надо ехать искать другие за тридевять земель. Так что выглядело это так, будто уезжала она от одних проблем к другим. Но и даже после этого ее не в чем было упрекнуть, потому что многое было поставлено на карту. Она действительно шла на риск, и в первую очередь она подвергала риску себя ради своих же детей. Мать не сможет что-либо делать ради себя одной. Ей нужен стимул, сильный мотив, и этим мотивом были дети. Только после всех вынужденных жертв зачастую людям свойственно проявлять любовь и заботу, однако при этом они не перестают раз за разом выхватывать из памяти горькие воспоминания об испытанных лишениях и успокаивать самолюбие осознанием выполненного долга.

Анастасия Павловна не боялась трудностей, каждую новую сложность она, как через рентген, просматривала насквозь и видела нужные ей пути решения. Вопрос только был во времени. Так много еще предстояло сделать перед отъездом, и еще больше для отъезда. Надо было действовать. Первое, что она сделала, – это забрала личное дело Влада из школы и стала

готовить сына к переезду. Влад и сам не ожидал, что все произойдет так скоро и что уже через пару дней он будет свидетелем разговора матери с директором новой школы. На том приеме он ни слова не произнес и лишь испуганно внимал своему будущему директору. Он очень глубоко переживал свой переезд и предчувствовал недопонимание и сложность будущих взаимоотношений с новыми одноклассниками, с которыми ему предстояло увидеться совсем скоро. Никому никогда не обмануть материнское сердце, и Анастасия Павловна все чувствовала, знала о переживаниях сына, но не могла помочь ему, а наоборот, способствовала обратному.

Однако все было не так уж плохо! Незнакомая школа находилась недалеко от бабушкиного дома. В этом доме он много раз проводил летние каникулы, ему действительно нравилось здесь: в саду он все лето лакомился клубникой, малиной, грушей, сливой, но больше всего он любил коротать время в тени черешни, которая росла в соседском огороде, большими ветвями перегибаясь в бабушкин огород. Какой вкусной была черешня! Наевшись досыта, он подолгу сживал на крыше сарая, спрятавшись под тенью черешни, и время останавливалось, и не было от него никакого проку. А что время? Когда Влад не был еще школьником, времени у него было вдоволь. Летом под лучами южного солнца часы тянутся очень долго. С утра и до вечера он был предоставлен сам себе, жил в своем мире, но какое все же было счастье, когда родители приезжали его навестить. Самые ценные воспоминания детства связаны именно с домом бабушки, и одним из самых ярких моментов был тот, когда он первый раз проехал на двухколесном велосипеде и не упал.

Но это все было давным-давно. Влад уже не тот маленький мальчик, который ходил в платочке на голове, чтобы не застудить больные ушки. Сейчас он был уже пятиклассником. Да и черешня та уже захирела. Все изменилось в доме бабушки, и сам он изменился. Но кто мог тогда подумать, что когда-то ему придется жить в этом доме. Наверное, эта глава жизни когда-то и кем-то уже давно была прописана. И оставалось сделать только удивленное выражение лица и почесать затылок в догадках, что будет дальше. Жизнь всегда вносила и будет вносить свои коррективы. Как бы ты там сильно чего-то ни хотел, жизнь будет упрямо гнуть свою линию. Так и сейчас – за Влада уже все решили. Когда ты беспомощен, остается только согласиться. И он со всем согласился. А что еще оставалось? Однако Влад своим маленьким детским сердцем понимал, что все хотят друг другу только лучшего, и вместе с тем все взаимозависимы друг от друга: если бы бабушка не смогла принять Влада, Анастасия Павловна вряд ли куда-нибудь уехала тогда. Влад это знал и отдавал должное бабушке, этой добродушной женщине, которая с радостью принялась изменять быт, принимая в дом внука. И действительно, к новому постояльцу бабушка отнеслась очень тепло. Для занятий уроками своему любимому внуку она уже отвела просторную комнату с письменным столом у большого окна, а спать можно было в одной из трех комнат на выбор. Владу тот письменный стол надолго запомнится тем, что за ним часто сживал его дед, делая за него уроки. Дед так увлекался решением математических задачек, что часто упускал из виду внука. Но какой бы удачной ни была близость школы от дома и как бы комфортно ни был обустроен быт, Владу здесь было неуютно, а компания бабушки и дедушки не могла заменить компанию старых друзей. Здесь он не знал, чем себя занять после уроков, здесь он еще не понимал, что можно, а что нельзя. Больше всего его пугал тот факт, что он и понятия не имел, как долго это все продлится и сколько ему придется жить в этом чужом городе.

Надолго запомнил Влад свой первый день в новой школе. В этот день Анастасия Павловна разбудила его рано – такого безрадостного утра у Влада еще не было. Анастасия Павловна довела его до школы. Словно это и не расставание, словно это все ненадолго. Мать быстро с ним попрощалась и поспешила на автовокзал. А Влад ничего и не понял, ему еще верилось в то, что мама заберет его с собой. Он проводил ее взглядом и ступил на крыльцо

школы. С порога он сразу же попал в школьную суматоху: учащиеся спешили переобуться, переодеться и попасть в нужный кабинет до звонка, радостно оповещающего о начале занятий. Все это подействовало на Влада удручающе. Все проходили мимо, никто его не замечал. Ему самому больше всего хотелось быть незамеченным. Как он и предполагал, новые одноклассники приняли его настороженно и холодно. Мучительно долго он ждал окончания занятий, чтобы быстрее убежать домой. Но и там он погрузился в одиночество. Забыв про домашние задания, он сидел в кресле и долго смотрел в одну точку, вспоминая, как мать завернула за угол школы. В своей голове он дорисовывал это свежее воспоминание, желая увидеть, когда она выйдет обратно из-за угла и вернется за ним. От неприветливой тишины комнат хотелось плакать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.